РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

**Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви**

№ 1 (20) 2025

О. Л. Фетисенко

«Тяготение на почтительном расстоянии» (Заметки к теме «К. Н. Леонтьев и Болгария»)

УДК 1(470)(091)+821.161.1.09(092)
DOI 10.47132/2588-0276_2025_1_142
EDN EEDKSG

Аннотация: В последние десятилетия оживился интерес к Восточному вопросу, в том числе и к темам «К. Н. Леонтьев и Болгария», «Леонтьев и Болгарский вопрос». В статье рассматривается несколько «подразделов» этой научной проблемы: биографические связи Леонтьева с Болгарией и болгарскими общественными и политическими деятелями, представления о болгарском национальном характере, образ Фракии в его творчестве. Предложенная мыслителем формула «тяготение на почтительном расстоянии» может быть отнесена не только к геополитическим прогнозам, но и к его личному отношению к славянскому миру.

Ключевые слова: К. Н. Леонтьев, русская литература, история, биография писателя, Болгария в творчестве К. Н. Леонтьева.

Об авторе: **Ольга Леонидовна Фетисенко**
Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук.
E-mail: betsy98@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5670-2656

Для цитирования: Фетисенко О. Л. «Тяготение на почтительном расстоянии» (Заметки к теме «К. Н. Леонтьев и Болгария») // Русско-Византийский вестник. 2025. № 1 (20). С. 142–154.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 16.10.2024; принята к публикации 18.10.2024.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 1 (20) 2025

Olga L. Fetisenko

"Gravity at a Respectful Distance" (Notes on the Topic "K. N. Leontiev and Bulgaria)

UDC 1(470)(091)+821.161.1.09(092)
DOI 10.47132/2588-0276_2025_1_142
EDN EEDKSG

Abstract: In recent decades there has been a noticeable revival of interest in the Eastern Question and in particular in the topics "K. N. Leontiev and Bulgaria", "Leontiev and the Bulgarian Question". The article examines several subsections of this scientific problem: Leontiev's biographical connections with Bulgaria and the Bulgarians, his ideas about the Bulgarian national character, the image of Thrace in his work. The formula "Gravity at a respectful distance" proposed by the thinker can be attributed not only to his geopolitical forecasts, but also to his personal attitude towards the Slavic world.

Keywords: K. N. Leontiev, Russian literature, history, biography, Bulgaria in the work of K. Leontiev.

About the author: **Olga Leonidovna Fetisenko**
DSc in Philology, Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: betsy98@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5670-2656

For citation: Fetisenko O. L. "Gravity at a Respectful Distance" (Notes on the Topic "K. N. Leontiev and Bulgaria). *Russian-Byzantine Herald*, 2025, no. 1 (20), pp. 142–154.

The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 16.10.2024; accepted for publication 18.10.2024.

Заветной идеей К. Н. Леонтьева в 1880-е гг. был проект Великого Восточного Союза со столицей в Царьграде (Константинополе). Славянские народы в этом союзе должны были ужиться с греками, румынами, даже персами и отступившими за Босфор турками. Размышления о культурно-исторической судьбе славянства, о роли России в славянском мире занимают одно из центральных мест в сознании Леонтьева — политического писателя и мыслителя[1]. Приходилось ему соприкасаться с острыми аспектами Восточного вопроса в его славянском изводе и на практике — как дипломату, служившему в Османской империи[2]. Тема «Леонтьев и славянство» настолько обширна по материалу и проблематике, что, даже если вычленить из нее только напрашивающийся в первую очередь подраздел «Леонтьев и Болгария», сюжетов окажется тоже чрезвычайно много.

Приоритет в разработке политических аспектов этой темы принадлежит В. И. Косику[3], в последние годы заметно оживился интерес к фигуре Леонтьева и его сложному отношению к «братьям-славянам» в самой Болгарии. Не останавливаясь на резких публицистических обличениях писателя как «болгарофоба» (таких работ существует уже довольно много), укажу научные труды со взвешенной позицией и объективным отношением к анализируемому автору: работы Тины Георгиевой[4], Дарины Григоровой[5] и, наконец, монографию Юлии Златковой[6].

Книга «Константин Леонтьев и Балканите» (К. Леонтьев и Балканы) была чрезвычайно высоко оценена российским рецензентом, хорошо знающим наследие Леонтьева[7]. Такая оценка заслужена по праву. В монографии рассмотрены, в разной степени

---

[1] См. об этом: *Косик В. И.* Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М., 1997 (дополненная версия книги в переводе на немецкий: Konstantin N. Leontjew. Ein russischer Denker zwischen Orient und Okzident. Weimar, 2022); *Фетисенко О. Л.* Константин Леонтьев: «Турецкий игумен» в славянском монастыре // Христианство и русская литература. Сб. 6. СПб., 2010. С. 165–197.

[2] Деятельность Леонтьева-дипломата впервые стала предметом исследования в книге К. А. Жукова «Восточный вопрос в историософской концепции К. Н. Леонтьева» (СПб., 2006). Тематика книги, однако, далеко не ограничивается этим, как видно уже из ее заглавия.

[3] Помимо указанной выше монографии о Леонтьеве ему принадлежит еще несколько работ специально на тему «Леонтьев и Болгарский вопрос». См., например: *Косик В. И.* 1) К. Н. Леонтьев: болгарская тема — pro et contra // Славянский альманах. 1997. М., 1998. С. 120–139; 2) Своя дорога: Константин Леонтьев о Болгарии // Limes Slavicus: Културни концепти на славянството. 2019. № 4. С. 42–51.

[4] *Георгиева Т.* 1) Българо-гръцката схизма в представите на Константин Леонтиев // Гръция, България, Европа: Културно-исторически връзки в Ново време: Сборник в памят на проф. Марин Жечев. София, 2011. С. 264–275; 2) Мисията на Русия във възгледите на Константин Леонтиев // Русия, Европа и светът: Сборник с материали от международна научна конференция. София, 2012. С. 96–104.

[5] *Григорова Д.* 1) Евразийството в Русия. София, 2008; 2) Константин Леонтиев за българската свобода преди и след Втората източна война 1877–1878 г. // Балканите и Европа в Източната криза 1875–1881. София, 2018. С. 267–273; 3) Константин Леонтьев о Болгарском вопросе на Балканах // Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность). М., 2019. С. 258–270 (последняя работа вышла и на болгарском языке: Константин Леонтиев за българския въпрос: геополитическа мистика, идеологическа естетика, православна съдба // Държавност и дипломация — 140 години по-късно. София, 2019; а в сокращенном виде была представлена на портале «Православие. ру»). Исследовательница рассматривает динамику воззрений Леонтьева на Болгарский вопрос (как часть Восточного вопроса), выделяя три аспекта: геополитический, идеологический и метафизический. В характеристике греко-болгарской церковной распри исследовательница, естественно, стоит целиком на стороне своего народа, хотя и здесь сохраняет научную объективность в подаче материала. См.: *Григорова Д.* Обуреваемы надменным самомнением? Русская общественная мысль и болгарский церковный вопрос // Родина. 2014. № 12. С. 54–56.

[6] *Златкова Ю.* Константин Леонтиев и Балканите. София: Авангард-Прима, 2020.

[7] *Лурье В. М.* Рецензия на книгу: Златкова Юлия. «Константин Леонтиев и Балканите». София: «Авангард Прима», 2020 // Respublica Literaria. 2022. Т. 3, № 4. С. 149–154.

подробности, кажется, все возможные аспекты избранной темы, причем, что особо хочется подчеркнуть, в отличие от других коллег Ю. Златкова активно использует богатый материал, который дает мемуарная и автобиографическая проза Леонтьева. Но она не была здесь первооткрывателем. Появлению и этого, и других упомянутых исследований способствовало знакомство с сочинениями и научными публикациями русских предшественников, в том числе и автора этой статьи, что было отмечено и в рецензии на книгу Ю. Златковой. Так, в этой книге активно используются комментарии из тома переписки Леонтьева и Т. И. Филиппова[8], но нигде, включая библиографический список, не сказано, кем же этот том был подготовлен, как «свои» приводятся факты, впервые установленные в комментариях к Полному собранию сочинений и писем (например, указания на болгарских прототипов ряда леонтьевских героев). Узнала я в свободном пересказе (без отсылок) и некоторые мысли из своей монографии 2012 г., трудно предположить, что это было случайным совпадением.

Безусловно, новому витку изучения Леонтьева в Болгарии (да и не только там) помог и выход академического собрания сочинений[9]. В свою очередь, и для нас знакомство с работами болгарских коллег чрезвычайно полезно. Например, только из книги Ю. Златковой я узнала о пропущенной нами монографии Димитриса Стаматопулоса «Византия после нации», вышедшей сначала на его родном греческом в Афинах (2009), а позднее, в 2022 г., в Будапеште в переводе на английский язык. В ней приводится письмо Леонтьева к болгарскому политическому деятелю и публицисту Марку Балабанову (Златкова цитирует фрагменты из него). Досадный пробел в академическом издании необходимо будет исправить при возможном в дальнейшем выходе «исправленного и дополненного».

Несмотря на имеющееся обилие исследований, тему «Леонтьев и Болгария» все еще нельзя признать исчерпанной. Не касаясь наиболее разработанных вопросов о греко-болгарской церковной распре или о борьбе мыслителя с «нашим болгаробесием», попробую предложить несколько «заметок на полях», то обобщающих, то дополняющих представление о болгарских страницах жизни и творчества Леонтьева.

Болгария в жизненном пути Леонтьева

Первое представление о болгарах для Леонтьева составила, по его воспоминанию, картинка в детской книге «Живописный Карамзин» (6, кн. 1, 403). Первый живой болгарин, увиденный им, — крымский колонист, видимо, из переселенцев с Дуная: «Служа во время Восточной войны в Крыму военным врачом, я увидал раз где-то, что идет через какой-то сад какой-то человек в одежде, вроде татарской, только потемнее, не так яркой, и спросил у кого-то — не помню: Что это за человек? — Мне сказали: Это болгарин; тут есть болгарские села» (Там же). Чуть позже в своем проекте «учебницы естествоведения» в Крыму, завершенном в 1859 г., Леонтьев в «антропологической» главке, перечисляя народы, населяющие Крым, не забудет и болгарских колонистов (7, кн. 2, 312).

Зимой 1861 г. Леонтьев в Петербурге встречается со своим другом детства М. А. Хитрово (1837–1896)[10] накануне его отъезда на консульскую службу в македонский город Битолию. Разговор в отеле «Наполеон» на Исаакиевской площади

[8] Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875–1891) / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2012.

[9] *Леонтьев К. Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. [19 кн.] / Подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2000–2021. В настоящее время все тома доступны на сайте ИРЛИ РАН. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома (при необходимости книги) и страницы.

[10] О нем и отношениях с ним Леонтьева см.: *Фетисенко О. Л.* 1) Эпизоды из жизни консула (К. Н. Леонтьев и М. А. Хитрово) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб., 2014. С. 97–146; 2) Дипломат и поэт Михаил Хитрово — корреспондент Ивана Аксакова // Наше наследие. 2019. № 129/130. С. 100–113.

Константин Николаевич
Леонтьев, 1863 г.

коснулся болгарских дел. Хитрово говорил о важности «защищать в Болгарии Православие и бороться против Католицизма»: «болгары — славяне и единоверцы наши, и мы должны там поддерживать наше влияние» (6, кн. 1, 403). Одушевленность новоиспеченного консула, по-видимому, заражает и Леонтьева. После еще некоторых подобного рода встреч и «наведений», в частности после знакомства с Н. П. Игнатьевым, назначенным директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел, весной 1863 г. он поступает туда на службу.

В декабре того же года Леонтьев уже на Крите (секретарем консульства), а потом вызванный в посольство после скандала с французским консульством (когда он ударил хлыстом консула А. Дерше за оскорбительный отзыв о России) встречает вместе со всеми в Константинополе нового посла — того же Игнатьева. Никаких прещений к нему не применяется. Леонтьев получает хорошее назначение — секретарем консульства в Адрианополе, но фактически это был его первый самостоятельный пост, потому что ему пришлось сразу вступить в управление: консул М. И. Золотарев уезжал в долгий отпуск, что повторилось и в дальнейшем.

Еще живя при посольстве, Леонтьев знакомился с приезжавшими в столицу консулами из дальних городов. В романе «Египетский голубь» он описал позднее консула в Варне, который здесь назван «просто Петров»[11]: «пламенный панславист; для России охранитель, революционер для Востока, вечно занятый болгарскими или сербскими делами; горячий, стремительный, прямой до неосторожности» (5, 234). Над Петровым, над его хлопотами о болгарах, «над его пылкими и сентиментальными отношениями к „угнетенным братьям-славянам“» подсмеиваются молодые секретари посольства. Автор же отмечает, что «его имя останется навсегда в истории последних дней Оттоманской Империи» (5, 235). Возможно, прототипом этого «просто Петрова» был симпатичный Леонтьеву янинский консул А. С. Ионин, черты которого отчасти узнаваемы и в консуле Благове из романа «Одиссей Полихрониадес» (на последнее обстоятельство указал сам автор; см.: 6, кн. 1, 74).

В Адрианополь Леонтьев приехал сушей, на лошади. Морем доплыл до Силиврии, не выдержал, сошел на берег и продолжил свой путь. Получилось так, что его знакомство с Фракией, о которой он потом так много писал, сразу было «глубоким погружением» в среду.

В Адрианополе (Эдирне по-турецки, Одрин по-болгарски) болгарская община была очень влиятельной, совсем рядом был и Филиппополь (Филибе, Пловдив) — центр болгарского национального движения. У Леонтьева на новом месте, с одной стороны, было много шансов показать себя как самостоятельного политического деятеля, с другой стороны — он видел, что консулат на Востоке оказывается погруженным в местные «мелкие дрязги» (6, кн. 1, 162), мало ему симпатичные[12]. Да и по сравнению с «благоуханною эклогой» критской жизни адрианопольская напоминала «понедельник в школе после сладкого воскресенья на веселой даче» (61, 164). «У всех здешних жителей такие хитрые лица; они так значительно молчат, так подозрительно

[11] Под тем же именем он упомянут и в романе «Одиссей Полихрониадес». См.: 4, 368.

[12] Ср. в письме к племяннице, М. В. Леонтьевой, от 1 марта 1878 г.: «И будет опять <…> какой-нибудь Адрианополь! опять *люди* и мелкая борьба…» (11, кн. 2, 177).

подмигивают на кого-то и на что-то, так злобно улыбаются, что становится страшно и за себя, и за Россию!..» (6, кн. 1, 206–207). Но вскоре перевешивает другое: Леонтьев понимает, что русская консульская служба на Востоке — «не просто служба, это какой-то восхитительный водоворот добра и лжи, поэзии и сухости, строгого формализма и свободной находчивости, тончайшей интриги и офицерской лихости, европейской вежливости и татарского размаха, водоворот, за ловкое вращение в котором дают кресты и шлют благодарности» (6, кн. 1, 208).

В Адрианополе дипломат приходит к выводу, что болгары и греки — самые важные для русских нации на Востоке[13]. Болгары «поставлены самою историей в положение аванпостов славянства *на заветном пути его развития!..*» (6, кн. 1, 170; здесь и далее курсив в цитатах принадлежит Леонтьеву). Болгары — по-видимому, самые удобные союзники, но опираться России, считает Леонтьев, лучше все же не на них, а на греков, как более выразительных и более твердых в Православии. Ведь основным принципом русской внешней политики должен быть не племенной, а вероисповедный. Задачу консула Леонтьев видит в поддержании мира между настороженно, а то и враждебно к друг другу относящимися национальными общинами.

В Адрианополе начат романный цикл «Река времен», в частности, роман «В дороге», действие которого как раз и происходило в этом городе, а героем был русский консул. Болгарская тематика здесь, скорее всего, также присутствовала. Из Адрианополя в Азиатский департамент послана «Записка о необходимости литературного влияния во Фракии» (1865; 10, кн. 1, 349–363)[14].

Во Фракии Леонтьев прослужил до осени 1867 г. Это начало всех его дальнейших успехов в недолгой дипломатической карьере, оборвавшейся в 1871 г. с его обращением в Православие и жизнью на Афоне. В 1867 г. после длительного отдыха в Царьграде он получил назначение на Нижний Дунай, в Тульчу. Здесь болгарские впечатления тоже были, но отличались от адрианопольских. Следующий пост, в Янине, от славянского мира далек, но последнее назначение (генеральное консульство в Салониках) вновь переносит Леонтьева в эпицентр греко-болгарских дел.

Леонтьев известен сейчас как грекофил и как обличитель «нашего болгаробесия» (название одной из его статей 1879 г.). Меж тем следует напомнить, что даже в разгар греко-болгарской распри он был сначала на стороне болгар, в таком настроении и приехал в самом конце 1872 г. в Константинополь. И только там, узнав положение дел поглубже, переменил свою позицию. Выбирая между национальным («племенные сочувствия»), государственным («Россия — глава славянского мира») и церковным (единство Церкви и верность ее канонам), он раз и навсегда выбрал третье.

> «Я приехал туда [в Константинополь. — *О. Ф.*] <…> защитником болгар, хотя и грекам во многом сочувствовал; но не прожил я и года в самом центре борьбы, как уже мысли мои изменились <…> …я сказал себе: никогда еще в истории России и Славянства принцип племенного Славизма не вступал в борьбу с православными уставами и преданиями, и в первый раз эту борьбу мы видим в греко-болгарской распре.
>
> Истинно-национальная политика должна <…> поддерживать не *голое*, так сказать, *племя, а те духовные начала, которые связаны с историей племени, с его силой и славой.* Политика православного духа должна быть предпочтена политике славянской плоти…» (7, кн. 1, 547).

В 1870-е гг. Леонтьев-публицист ставит себе задачей развеять в России иллюзии относительно «единения славянской любви». Освобождение славян — долг России, считает он, но вообще славяне для нас — лишь *«неизбежное политическое зло»* (7, кн. 1, 269).

В период Русско-турецкой войны Леонтьев не участвует в общем хоре обличителей зверств «турецкой орды», он *уверен* в победе, и его больше интересует

[13] См.: 6, кн. 1, 166–167.

[14] Впервые с неточностями опубликована В. И. Косиком.

не настоящее, а будущее: как устроятся славянские народы после освобождения. В это время он активно, но безуспешно предпринимал попытки вернуться на дипломатическую службу. Больше всего мечтал оказаться вновь в Константинополе. Игнатьев в марте 1878 г. обещал ему пост вице-губернатора в Болгарии с шеститысячным окладом[15], но события развернулись для самого Игнатьева иначе. Как беллетрист Леонтьев думал в это время написать повесть «из болгарской жизни» (5, 906).

В это время Леонтьев еще мог ждать «от» и «для» Болгарии чего-то хорошего. 29 октября 1878 г. он писал Н. П. Игнатьеву:

> «…хотелось бы верить в *национальную* будущность Болгарии! Я говорю именно в национальную, а не в одну политическую; политическую будущность, без всякой народной физиогномии можно иметь и с Немецким Принцем. — И какая-нибудь отвратительная Бельгия имеет государственную независимость. — А для славян — этого мало; — надо приобрести *физиогномию*; а без русского человека в этой еще, слава Богу, *сырой* Болгарии — физиогномии национальной не будет. — Даже и теперь кой-что мне там не нравится. — Под именем русских вводятся, я нахожу, слишком Западные порядки» (11, кн. 2, 251).

Болгарские знакомые Леонтьева

Отдельным предметом исследования могут служить реальные жизненные взаимосвязи Леонтьева с болгарскими политическими, общественными и литературными деятелями — как в Турции, так и в России (в монографии Ю. Златковой этот сюжет затрагивается очень бегло).

Первое из значительных «болгарских знакомств» Леонтьева — это вице-консул в Филиппополе (Пловдиве), бывший учитель Найден Герович Геров (1823–1900). Леонтьев с ним приятельствовал, переписывался, давал ему в рукописи прочесть свой роман «В своем краю»[16]. Геров с женой и сыном приезжал в гости в Адрианополь.

В адрианопольский период можно выделить еще одно знакомство — «весьма влиятельный и богатый доктор Найденович, России до фанатизма преданный» (6, кн. 1, 211). Врач и общественный деятель Иван Найденович (1821–1877) — наиболее вероятный прототип доктора Чобан-оглу в романе «Египетский голубь» — не раз упоминается в дипломатических донесениях Леонтьева.

Позднее он по-приятельски общается с Василом Костовым Каракановским (Караконовским; 1840–1905), врачом при русском посольстве в Константинополе. Первоначальный вариант незавершенной книги «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» был обращен к нему[17]. Если учесть, что этот замысел «отпочковался» от «Византизма и Славянства», то можно с уверенностью предположить, что с тем же доктором обсуждались по крайней мере болгарские главы и этой книги. А до этого именно Каракановского Игнатьев просил негласно освидетельствовать Леонтьева — в здравом ли уме загостившийся на Афоне салоникский консул[18].

Богатые (главным образом отрицательные) впечатления оставили у писателя виднейшие представители болгарской общины в Константинополе. Подтверждение можно найти в его записке «Моя литературная судьба» (1874–1875).

---

[15] Леонтьев опасался климата: «…я Болгарию не люблю и тамошних лихорадок боюсь» (письмо к Н. Я. Соловьеву от 28 марта 1878 г.; 11, кн. 2, 192). Ср. в письме к М. В. Леонтьевой от 4 апреля 1878 г.: «…Игнатьев предлагает мне Губернаторство в Болгарии — Тырново (скучное) или Филиппополь (лихорадочный). <…> От Батюшки [Леонтьев имеет в виду старца Амвросия Оптинского. — *О. Ф.*] получил *безусловное* благословение на этот новый крест; конечно, я приму его; но с тем чувством, с каким принимается *послушание отвратительное*» (11, кн. 2, 201).

[16] В собрании сочинений допущена ошибка: сказано, что речь шла о романе «В дороге» (5, 779).

[17] См.: 8, кн. 2, 917–918.

[18] См.: Летопись жизни и творчества К. Н. Леонтьева (1831–1891): В 2 ч. / Сост. О. Л. Фетисенко. СПб., 2022. Ч. 1: 1831–1880. С. 425, 431.

Болгарские знакомства приобретает Леонтьев и по возвращении в Россию. В письме к племяннице от 16 января 1878 г. из Москвы Леонтьев упоминает «молодого болгарина *Бобчиева*»[19]: «…был мне враг, а теперь ходит ко мне и решился даже печатно защищать меня» (11, кн. 2, 144).

> «…Встретились в Редакции. — Он сказал мне прямо, что он знает очень хорошо мое имя, — “car vous êtes un ennemi acharné des Bulgares”[20]. — Я зазвал его к себе и… кажется (если только он меня не обманет)… объяснивши ему *в чем дело* — создал себе в два сеанса союзника. — Сбираемся вместе в Угрешь на днях, если будут деньги; и он обещает поддерживать меня даже печатно, ибо я объяснил ему, что дело совсем не в греках, а в Православии и в укреплении Славянского союза дисциплиной Церкви. — Он, *по-видимому*, в восторге! — Но — я стал Фома-невера» (11, кн. 2, 147).

Сомневался Леонтьев не зря: никакой поддержки он от Бобчева не дождался.

Наконец, в круг общения Леонтьева в Москве в 1880-е гг. входил старший учитель, а впоследствии директор Катковского лицея Константин Николаевич Станишев (1840–1900). Сохранились два его письма к Леонтьеву (1883), из которых видно, что он был в определенном смысле посредником между Леонтьевым и издателем «Руси» И. С. Аксаковым[21].

Но, конечно, наиболее интересны для исследования «болгарской темы» у Леонтьева его политические пророчества и его штудии в области «национальной психологии»[22].

«Опыт национальной психологии» и политические пророчества

Все леонтьевские наблюдения в области социальной и этнической психологии обычно носят аналитический, сопоставительный характер. Это всегда сравнение: русского и восточного, греков и болгар, чехов и немцев, болгар и поляков, болгар и сербов, малороссов и великороссов, славян и турок и т. д. К своим «этносоциологическим» опытам он привлекал даже турок. Так янинского пашу он расспрашивает о том, кого тот «любит больше», греков или болгар (10, кн. 1, 257), и меткий ответ Ахмеда-Рассим-паши использует не только в дипломатическом донесении, но и в беллетристике (в повести «Аспазия Ламприди»)[23].

Какими Леонтьев видит болгар? В 1860-е гг. болгары представляли собой, в отличие, скажем, от сербов, более сплоченный монолит: «они были *все вместе* под властию Султана»; «…они были политически неопределеннее в то время, потому что враждебным нам силам не за что <…> было у них ухватиться» (6, кн. 1, 167, 168). «Русская политика, — писал в 1878 г. Леонтьев, — могла бы в Болгарии прямо перешагнуть от раздачи богослужебных книг и церковных облачений, от воспитания юношей-болгар в русских училищах, от пособий народным школам, от хлопот по образованию независимой Болгарской Церкви к какой-нибудь весьма реальной, юридически определенной связи с Болгарским княжеством или Царством» (6, кн. 1, 168–169). И тогда это единение России с Болгарией стало бы «краеугольным камнем и образцом

---

[19] Имеется в виду болгарский историк и публицист, сотрудник «Московских ведомостей» (а позднее — «Нового времени», «Русского курьера», «Славянских известий» и других изданий), общественный, а позднее и политический деятель Стефан Саввич Бобчев (1853–1940). См. доступные на сайте «Academia.edu» работы о нем П. Парванова.

[20] Ибо Вы — озлобленный враг болгар (*франц.*).

[21] См.: Летопись жизни и творчества К. Н. Леонтьева. СПб., 2022. Ч. 2: 1881–1891. С. 104–105.

[22] «Опыт национальной психологии» — подзаголовок его статьи «Русские, греки и юго-славяне» (1878; начата в 1875, а замысел связан еще со временем начала работы над «Византизмом и Славянством»).

[23] См.: 3, 339.

для будущего Восточно-Православного союза» (6, кн. 1, 169)[24]. Этого сделано не было, и теперь новейшие болгарские «историографы» даже освобождение Болгарии в 1878 г. и дарование стране государственности трактуют как «русскую оккупацию»…

Постепенно Леонтьев изживал присущую славянофилам «сентиментальность» в славянском вопросе. «Надо правду сказать, — признавался он, — многие из нас, русских, не совсем так понимали болгар при начале их церковного движения. Мы думали, что они гораздо простодушнее, гораздо искреннее <…>. Мы думали о них *сентиментальнее*, чем нужно было думать, нам казалось, что если только запоют в какой-нибудь церкви по-славянски, то болгары и будут счастливы» (6, кн. 1, 184). Осенью 1874 г. Леонтьев так говорил И. С. Аксакову: «Многие у нас воображают себе болгар какими-то жертвами и только. Людьми невинными, патриархальными; но надо видеть самому вблизи этих болгарских вождей-буржуа… Какое-то противное соединение Собакевича с Гамбеттой» (6, кн. 1, 93). «…Болгары очень деятельны и очень хитры», в них проснулись «самоуверенность и гордость» (6, кн. 1, 199, 201). «Болгары претендуют, иногда и в печати, на какое-то простодушие и прямоту, чтобы возбудить в читателях больше участия. Я же, служа около 8 лет в Турции, прямоты и простодушия в них что-то не замечал» (10, кн. 1, 391).

Болгарам, как всем христианам Востока, считал Леонтьев, свойственны «слабость фантазии и замечательная трезвость ума, до сухости доведенная»; здесь «нет того искреннего религиозного брожения умов, того искания, той боли сердца по Боге, которое всегда было и есть у нас в России…» (6, кн. 1, 209, 210).

Болгары для русских, доказывает теперь Леонтьев, это самый опасный, «роковой» народ (ср.: 7, кн. 2, 248). «Болгары <…> вовсе не агнцы, это народ хитрый, искусный, упорный, терпеливый <…> Болгары не станут <…> стесняться и с нами, русскими, как скоро увидят, что мы не вторили всем увлечениям их племенного раздражения» (7, кн. 1, 186).

Но почти в то же время, сравнивая болгар с румынами в статье «Территориальные отношения» (1878), Леонтьев признает преимущества болгар:

> «Болгары — народ серьезный, народ гораздо более румын *Восточный* (в хорошем смысле этого слова); народ трудовой, бережливый, твердый, в семейной жизни почтенный <…>. Православие в болгарах несравненно крепче и чище, чем в румынах. Болгары неправы и нечисты только противу законов Церкви в одном случае; но они покаются, они слишком умны, чтобы не понять этого. Болгары, поставленные под наше влияние и примиренные с Вселенской Церковью и греками (хотя бы и ценою некоторых территориальных уступок), болгары, еще почти не жившие, свежие, распространенные от устьев Дуная до берегов царственного Босфора <…> болгаре, не успевшие еще и в быту своем утратить всю прелесть и солидность патриархальных форм, не успевшие, подобно румынам, стереть с себя все *хорошие черты своеобразного азиятизма*, — болгаре могут иметь великую будущность, если не по вещественной силе, то по культурному значению, если только мы, русские, сами второпях не испортим их навеки; если мы по неосторожности не прикоснемся к ним более петербургским, чем московским боком нашего Петровского Минотавра!..» (7, кн. 1, 524).

А в поздней статье «Плоды национальных движений на Православном Востоке» (1889) находим даже утверждение, что болгары все-таки самый яркий из всех славянских народов. Но тут же следует и убийственная характеристика, вызванная обстоятельствами диктатуры Ст. Стамболова: «По крайней мере — бандиты, разбойники и умеют народ свой заставить себе повиноваться…» (8, кн. 1, 615).

[24] Ср. в письме к Н. П. Игнатьеву от 29 октября 1878 г.: «…Болгария должна стать краеугольным камнем — Всеславянского здания; — из нее, как из центра, должны исходить токи славянского единения» (11, кн. 2, 249).

«Odi et amo»

Н. А. Бердяев слишком прямолинеен в своем заявлении о том, что Леонтьев «на Востоке любил греков и турок и не любил славян, особенно болгар»[25]. Все было не так однозначно. То, что заслуживало любви и уважения, Леонтьев видел, чтил и любил, как полюбил, например, на Афоне болгарский Зографский монастырь, где провел несколько недель в январе 1872 г. и где начал набрасывать свой труд о византизме. Болгарская сказка стала основой замечательной повести Леонтьева «Дитя души» (1876). Богат болгарский пласт в романах «Одиссей Полихрониадес» и особенно «Египетский голубь».

Леонтьев не побывал ни в Софии, ни в Тырново. (Последний город он будет упоминать разве что в связи с конституцией 1879 г.) Только понаслышке он знал о красоте «долины роз Казанлыкских», о Рыльском монастыре (его адрианопольский начальник Золотарев успел посетить все эти места), но зато он хорошо рассмотрел сельскую Болгарию, с одной стороны[26], а с другой — политиков и журналистов болгар в турецкой столице.

Оставшийся в памяти Леонтьева образ Фракии: «Все поля, и поля холмистые, необработанные. <...> ...коричневые пастухи на этих сероватых полях» (6, кн. 1, 149)[27].

Болгарский монастырь Зограф на Святой Горе,
фото 1860–1870 гг.

[25] *Бердяев Н. А.* Константин Леонтьев: Очерк из истории русской религиозной мысли // К. Н. Леонтьев: pro et contra: Антология: В 2 кн. СПб., 1995. Кн. 2. С. 54.

[26] В Константинополь он проехал сухим путем в 1867 г., а потом из Македонии через Фракию — в 1872-м.

[27] Это впечатления русского. Когда же Леонтьев описывает Болгарию устами своих персонажей греков, идиллическая картина подается совсем в другом ракурсе. «Я помню, — говорит герой-повествователь в «Одиссее Полихрониадесе», обращаясь к своему афинскому другу, — с каким ты презрением говорил о желтых хижинах болгарских, о том, как тебя клали в них спать

Болгарские крестьяне.
Ксилография, 1882 г.

Ему помнятся «сельские дети <…> в национальной одежде из несокрушимого темного сукна домашней работы, с бараньими шапочками…» (61, кн. 1, 186), его взгляд останавливается и «на темном болгарине, смиренно пашущем за деревней в синей чалме» (6, кн. 1, 189). С какой любовью (пусть и подправленной иронией) им описан хитрый Брайко, «старик демердешский болгарин» — «нечто вроде солидного мироеда средней руки, в опрятной куртке и шальварах из толстой коричневой *абы* и в бараньей шапке» (6, кн. 1, 196). Даже политиканствующий купец Христо Топчилештов (Тъпчилещов; 1808–1875), несомненно, внушил бы ему «симпатию и уважение», если бы он тоже «был старик в восточной одежде»; теперь же, «когда видишь эти нескладные, дурно сшитые сюртуки, когда слышишь все эти вычитанные из западных книг фразы о просвещении, о равенстве и свободе… то видишь перед собою вовсе не того почтенного славянского Патриарха, которого желал бы видеть и чтить, а так какого-то обыкновенного буржуа, только грубее и глупее европейского» (6, кн. 1, 93)[28].

В пространном и интереснейшем очерке «Мои воспоминания о Фракии» большое место отведено рассказу о болгарском селе Демердеш под Адрианополем, с церковкой, построенной в конце 1850-х — начале 1860-х гг. иждивением консула Н. Д. Ступина (1819 или 1818–1866)[29]. Приведу два связанных с этим местом фрагмента:

> «Вокруг унылое, ровное поле; какие-то баштаны сзади; недалеко где-то в стороне бедное сельское кладбище; маленькие кресты, болотце какое-то зеленое-презеленое, свежее, и около болотца и кладбище. Много больших тополей с беловатыми и серыми стволами, что-то вроде наших осин, только гораздо красивее. Кустики… По свежему болотцу тихо ходят аисты, и лягушки кричат в канавках точно так же, как у нас в России»[30] (6, кн. 1, 192–193). «Сколько раз, живя в Демердеше <…> уходил я сидеть на этот заросший романтический двор [имеется в виду двор заброшенной мечети. — *О. Ф.*], и сколько я там передумал и сочинил такого, что̀ никогда напечатано не было и не будет!.. Сколько я мечтал <…> о славянстве, о судьбах России…

на сырую землю, около худого очага, когда зимою ты ездил к родным в Филиппополь. Не понравились тебе простые фракийские болгары, ты звал их зверями в образе человека; ты порицал их овчинные шубы, не покрытые сукном, их черные чалмы, их смуглые, худые лица; в чертах этих лиц ты тщательно отыскивал какие-то следы туранской крови» (4, 11).

[28] Леонтьев по отношении к «новой Болгарии» всегда ироничен. В «Моих воспоминаниях о Фракии», описывая маленьких певчих в устроенной русским консульством церкви, он вспоминает сына одного из местных деятелей, Куру-Кафы, обряженного, в отличие от «оригинальных и опрятных» сельских детей, в одежды «интеллигенции» («воротник его скверного сюртука очень сален»), и замечает в скобках: «Может быть, теперь он *депутатом* в Болгарии… Кто знает?» (6, кн. 1, 186).

[29] См. о нем: *Степина М. Ю.* Ступин Николай Дмитриевич // Русские писатели, 1800–1917: Биогр. словарь. М.; СПб., 2019. Т. 6. С. 104–105.

[30] Точно так же с радостным чувством он будет находить сходство с родным пейзажем и в городах Добруджи.

Думал о наших художниках, которые тогда на Восток совсем не ездили… Воображал вот такую картину: что-нибудь вроде Демердеша; сероватое поле, с одной стороны чудные, беловатые с пятнышками, толстые, сочные стволы тополей <…> у подножия тополей желал бы видеть болотную зелень, и чтобы она была как можно зеленее, веселее, ярче. Молодой болгарин задумчиво пашет плугом на волах. На голове его темно-синяя чалма; шальвары и куртка темные. По плечам из-под чалмы падают русые кудри. Он распахивает новую почву жизни, которой урожай еще неизвестен… А сзади — эта сельская старая и покинутая по бесплодию мечеть: мусульмане вымирают, эти камни, этот двор безгласный, заросший так густо, так таинственно! Сколько было бы души в этой простой картине, сколько исторического смысла! Я желал бы еще, если возможно, чтобы на сырой зелени болотца было несколько желтых цветов, а где-нибудь около развалин мечети цвел бы самый яркий, самый красный дикий мак…» (6, кн. 1, 163–164).

Все подлинно-народное в Болгарии Леонтьев помнит и любит. А вот «освобожденная Болгария», перешагнувшая от сельской простоты к «бельгийской конституции», «из пастырской грубости в *европейское хамство*» (11, кн. 2, 328)[31], и начавшая, по его выражению, «страдать *собачьей старостью эгалитарного прогресса*» (7, кн. 2, 238), становится на все последующие годы объектом его обличений и иронии. Примеров можно было бы привести множество, большинство из них хорошо известны и в самой Болгарии.

Еще в первой половине 1870-х гг. Леонтьев предложил формулу для выстраивания русско-славянских отношений: «тяготение на почтительном расстоянии» (7, кн. 1, 276). Судя по тому, как часто сам Леонтьев возвращался в своей публицистике к болгарской тематике, можно утверждать, что эта формула лучше всего отражает его собственное состояние по отношению к Болгарии и вообще к славянскому миру. Этот мир его беспокоит, притягивает, не отпускает от себя далеко его мысли и в то же время раздражает, отталкивает. И это действительно можно назвать «тяготением на почтительном расстоянии».

Источники и литература

1. *Бердяев Н. А.* Константин Леонтьев: Очерк из истории русской религиозной мысли // К. Н. Леонтьев: pro et contra: Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология: В 2 кн. СПб.: Изд-во РХГИ, 1995. Кн. 2. С. 29–179.

2. *Георгиева Т.* Българо-гръцката схизма в представите на Константин Леонтиев // Гръция, България, Европа: Културно-исторически връзки в Ново време: Сб. в памят на проф. Марин Жечев. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2011. С. 264–275.

3. *Георгиева Т.* Мисията на Русия във възгледите на Константин Леонтиев // Русия, Европа и светът: Сборник с материали от международна научна конференция. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2012. С. 96–104.

4. *Григорова Д.* Евразийството в Русия. София: Парадигма, 2008. 353 с.

5. *Григорова Д.* Константин Леонтиев за българската свобода преди и след Втората източна война 1877–1878 г. // Балканите и Европа в Източната криза 1875–1881. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2018. С. 267–273.

6. *Григорова Д.* Константин Леонтьев о Болгарском вопросе на Балканах // Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность). М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 258–270.

[31] Письмо к Т. И. Филиппову от 23 апреля 1879 г.

7. *Григорова Д.* Обуреваемы надменным самомнением? Русская общественная мысль и болгарский церковный вопрос // Родина. 2014. № 12. С. 54–56.

8. *Жуков К. А.* Восточный вопрос в историософской концепции К. Н. Леонтьева. СПб.: Историческая книга, 2006. 227 с.

9. *Златкова Ю.* Константин Леонтиев и Балканите. София: Авангард Прима, 2020. 298 с.

10. *Косик В. И.* К. Н. Леонтьев: болгарская тема — pro et contra // Славянский альманах. 1997. М.: Индрик, 1998. С. 120–139.

11. *Косик В. И.* Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М.: Зерцало, 1997. 240 с.

12. *Косик В. И.* Своя дорога: Константин Леонтьев о Болгарии // Limes Slavicus: Културни концепти на славянството. 2019. № 4. С. 42–51.

13. *Леонтьев К. Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. [19 кн.] / Подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2000–2021.

14. Летопись жизни и творчества К. Н. Леонтьева (1831–1891): В 2 ч. / Сост. О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2022. Ч. 1: 1831–1880. 703 с. Ч. 2: 1881–1891. 735 с. (Прил. к ПССиП К. Н. Леонтьева. Кн. III и IV).

15. *Лурье В. М.* Рецензия на книгу: Златкова Юлия. «Константин Леонтиев и Балканите». София: «Авангард Прима», 2020 // Respublica Literaria. 2022. Т. 3, № 4. С. 149–154.

16. Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875–1891) / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский Дом, 2012. 728 с.

17. *Степина М. Ю.* Ступин Николай Дмитриевич // Русские писатели, 1800–1917: Биогр. словарь. М.: Большая российская энциклопедия; СПб.: Нестор-История, 2019. Т. 6. С. 104–105.

18. *Фетисенко О. Л.* Дипломат и поэт Михаил Хитрово — корреспондент Ивана Аксакова // Наше наследие. 2019. № 129/130. С. 100–113.

19. *Фетисенко О. Л.* Константин Леонтьев: «Турецкий игумен» в славянском монастыре // Христианство и русская литература / Отв. ред. В. А. Котельников и О. Л. Фетисенко. Сб. 6: Взаимодействие этнокультурных и религиозно-этических традиций в русской мысли и литературе. СПб.: Наука, 2010. С. 165–197.

20. *Фетисенко О. Л.* Эпизоды из жизни консула (К. Н. Леонтьев и М. А. Хитрово) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб., 2014. С. 97–146.

21. *Kosik V. I.* Konstantin N. Leontjew. Ein russischer Denker zwischen Orient und Okzident. Weimar: Lahn, 2022. 322 s.